

ПРАВОСУДИЕ

Концепт.net

«У власти нет единой концепции дальнейшего реформирования системы правосудия», — считает Олег Малиневский, партнер ЮК EQUITY, вице-президент Ассоциации адвокатов Украины

В рамках очередной серии реформирования судебной системы парламент уже принял закон, предусматривающий «оптимизацию» органов судейского управления и кадровую перезагрузку Верховного Суда и устанавливающий новые процессуальные фильтры для кассационного пересмотра дел. На очереди — рассмотрение законопроекта, удаляющего из Конституции Украины положения об исключительном праве адвокатов на судебное представительство. О влиянии законодателя на судебную практику, возможностях участия профессионального сообщества в реализации реформ мы поговорили с **Олегом Малиневским**, партнером ЮК EQUITY, вице-президентом Ассоциации адвокатов Украины.

— **Какие факторы предопределяют развитие судебной практики как сегмента рынка юридических услуг?**

— Судебная практика продолжает удерживать первенство на рынке юридических услуг. Для многих юридических компаний она является основной. Судебная защита, пожалуй, самый конкурентный сегмент услуг юристов. Это объясняется в том числе тем, что страна не полностью вышла из очередного экономического кризиса: у нас, к сожалению, не создаются цивилизованные рыночные инструменты для предотвращения споров либо для их мирного урегулирования, особенно по вопросам проблемной задолженности, неплатежеспособности и т.д. У нас де-факто нет равенства сторон. Например, в кредитных спорах, самой распространенной категории дел, у должника намного хуже позиции, чем у кредитора. Вместе с тем у кредитора из госсектора нет стимулов для медиации и мирного урегулирования — любой шаг должностных лиц госбанка в этом направлении может быть интерпретирован как уголовно наказуемое нарушение.

Ввиду неэффективности законодательства основная нагрузка возлагается на суды и, соответственно, на судебных юристов. Поэтому судебная практика продолжает доминировать.

— **Сейчас реализуется очередной этап судебной реформы. Предполагает ли он решение проблем, о которых вы говорите?**

— Я бы скорее отметил некую неопределенность, которая продиктована как раз позицией законодателя. Многие вещи делаются без какого-либо объяснения или, наоборот, не делается абсолютно ничего в ситуациях, требующих срочного решения.

У нас нет четкого понимания, куда мы дальше двигаемся с судебной реформой. Если исходить из политических заявлений, предыдущая реформа якобы была плохой. А в чем конкретно плохой и что именно надо переделывать, никто не говорит. При этом предлагаются какие-то временные меры, например, принят закон о кассационных фильтрах, точно решающий проблему отдельных процессуальных злоупотреблений. По моему субъективному мнению, этот закон в определенной мере меняет принципы, на которых построена вся система судостроительства. По сути, пересматривается философия деятельности кассационного суда. Причем делается это достаточно коряво, порождая новые проблемы в правоприменении.

У власти нет единой концепции дальнейшего реформирования системы правосудия. И, к сожалению, юристы-практики вынуждены жить сегодняшним днем, выжимая максимум правовой позиции по каждому конкретному делу, а там посмотрим, какой суд будет рассматривать дело,

по каким правилам будет подаваться кассационная жалоба. То есть, подавая исковое заявление, мы не знаем, какая судебная инстанция вынесет окончательное решение. Соответственно, как мы можем консультировать клиентов с точки зрения принципа правовой определенности?

В то же время судебные юристы работают в таких условиях уже давно. В перманентном состоянии реформирования судебной системы Украина находится с 1991 года. И по большому счету цели реформы не меняются из года в год. Единственное, что сейчас постепенно выносятся за скобки, — вопросы доверия к суду: все начинают понимать, что это не может быть целью судебной реформы, это производное от ее эффективности. Насколько будет успешной судебная реформа, настолько мы и сможем говорить о доверии к суду.

Причем не следует забывать, что нельзя выстроить доверие к суду в вакууме, в отрыве от доверия к другим органам государственной власти, в частности, доверия к законодателю, принимающему законы, которые суд впоследствии будет применять. Должны быть разделенная ответственность и разделенное доверие. Суд должен выносить окончательный вердикт, в котором

Олег МАЛИНЕВСКИЙ: «Адвокаты стремятся не просто быть на страже прав конкретного человека в судебных делах, а выступать в качестве правозащитного института по отношению к органам власти, защищать общество в целом»

заложены и законодательные нормы, и деятельность органов исполнительной власти, и уровень правосознания участников правоотношений. Это комплексный продукт, но именно суд считается крайним.

— **Причем зачастую критиком суда выступают другие госорганы...**

— Безусловно. В любой непонятной ситуации называют виновным именно суд. Это очень просто и удобно.

Критерий доверия дает возможность при необходимости манипулировать кадровыми вопросами в судах любой приходящей власти. И намечается тенденция, что суд из независимого органа превращается в выборный. Причем, как показывает опыт последних лет, любая новая власть будет заинтересована в своей «реформе» и «перезагрузке», а начинать надо непременно с Верховного Суда.

— **Можно ли исключить из судебной системы политический фактор?**

— На уровне норм Конституции Украины, регламентирующих вопросы независимости и назначения судей, политический фактор уже устранен. Другое дело, как все реализовано на практике: законы

у нас зачастую применяются не так, как написано, либо принимаются новые законы, противоречащие Конституции. Недавнее решение Конституционного Суда Украины о признании неконституционной ликвидации Верховного Суда Украины, наверное, лишь первая ласточка. В той ситуации, продиктованной, возможно, и благими целями, фактор Конституции не был учтен.

Влияние политиков на суды, к сожалению, нельзя исключить. Это в том числе вопрос менталитета и восприятия влияния самими судьями, вопрос построения действенной системы судейского самоуправления, которая будет бороться против любых проявлений влияния, в том числе со стороны правоохранительных и других госорганов.

— **Насколько представители профессионального юридического сообщества, прежде всего адвокаты, вовлечены сейчас в процессы реформирования системы правосудия? Готова ли власть вас слушать и слышать?**

— Общий недостаток, который касается не только адвокатского сообщества, в том, что реформы сейчас реализуются быстро и без надлежащего общественного и профессионального обсуждения. В таких условиях адвокаты ограничены в возмож-

ностях влияния на построение системы правосудия. Более того, мы в какой-то степени даже лишены возможности конструктивно критиковать — о многих инициативах мы узнаем постфактум, при их внесении в сессионный зал. А ввиду сложившейся практики работы монобольшинства в парламенте не приходится рассчитывать на какое-либо серьезное обсуждение. Соответственно, мы понимаем, что дискуссии, скорее всего, не дадут результата, хотя и не оставляем попыток вскрыть ту или иную проблему и донести до законодателей, какие могут быть негативные последствия принятия того или иного закона.

Сейчас основной постулат адвокатов — не навредить, не потерять то позитивное, что уже есть. Когда нет четких принципов реформирования, четких целей, когда нет четкой концепции, даже самые благие намерения могут привести совершенно к противоположным результатам. Мы, адвокаты, находящиеся на передовой правоприменения, прекрасно знаем практическую сторону вопроса, в отличие от многих парламентариев. Стремление адвокатов в данном случае — быть не просто на страже защиты прав конкретного

человека в судебных делах, а выступать в качестве правозащитного института по отношению к органам власти, защищать общество в целом. И это касается не только реформ в отрасли права.

Но приоритет, безусловно, должен быть отдан профессиональной юридической сфере. И здесь, к сожалению, вынужден констатировать большой дефицит голоса адвокатуры.

— **А насколько сейчас консолидирован этот голос, насколько адвокатское сообщество едино в отстаивании своих интересов?**

— Если говорить о правах адвокатов, гарантиях адвокатской деятельности, защите прав клиентов — в этом адвокатура едина. Дискуссию можно вести разве что о путях достижения цели. Это в том числе участие в различных комиссиях, публичном обсуждении законодательных инициатив. Здесь общественные организации, такие как Ассоциация адвокатов Украины и Ассоциация юристов Украины, находятся в менее привилегированном положении, чем Национальная ассоциация адвокатов Украины.

Большие надежды возлагаются на **Андрея Костина** — когда он возглавил парламентский комитет по вопросам правовой политики, открытость комитета и готовность к диалогу возросли. Рассчитываем на его содействие в усилении роли адвокатуры и наведении порядка в судебной системе.

— **Наверное, одна из наиболее дискуссионных инициатив в контексте судебной реформы — это отмена адвокатской монополии. Как вы оцениваете это предложение и его последствия для адвокатов, их клиентов и судебной системы в целом?**

— Я всегда говорил и буду говорить, что так называемая монополия — это не вопрос адвокатов, и тем более не вопрос гонораров адвокатов. Введение монополии, безусловно, стимулировало спрос на услуги адвокатов, но явно не тех, кто якобы мог лоббировать ее введение. Просто пойти в суд с документами, подготовленными штатным юрисконсультантом, — это не самая квалифицированная и высокооплачиваемая работа. К тому же был установлен переходный период, и многие юрисконсульты уже получили свидетельства о праве на осуществление адвокатской деятельности. Более того, возможность самопредставительства юрлица сохранилась, а обеспечить представительство госорганов (что стало одним из аргументов в пользу отмены монополии) можно и без внесения изменений в Конституцию Украины, что и продемонстрировал принятый накануне Дня адвокатуры Закон № 390-IX.

Исключительное право адвокатов на судебное представительство — это к вопросу о философии построения системы правосудия. Вспомним: соответствующие нормы появились в Конституции Украины по итогам дискуссии о качестве правовой помощи и минимизации злоупотреблений, скорости рассмотрения дел, качестве судебных решений. Исходя из таких позиций, отмену монополии можно считать ярким примером необдуманного шага, вырванного из общей концепции судебной реформы. Получается, что законопроект № 1013 направлен против качества правосудия? Как представляется, эта инициатива не имеет концептуального обоснования. Мы же не будем выступать против качества правосудия, не будем выступать против того, что уровень ответственности адвокатов за любые злоупотребления выше, не будем забывать о том, что нет другого профессионального института, который позволял бы на таком же уровне предоставлять правовую помощь. Мы должны помнить о презумпции: адвокат — это качество правовой помощи. Если мы говорим о независимом представительстве, то обеспечить его может только институт адвокатуры.

(Беседовал **Алексей НАСАДЮК**, «Юридическая практика»)